

Этногенетические проблемы: этническая основа уйльта Сахалина



Анатолий Фёдорович Старцев,
доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: starcev.42@mail.ru

В советской этнографической литературе утверждается, что в XVII в. этнической основой уйльта Сахалина были эвенки Охотского побережья. Исследования М.Г. Левиным эвенков, эвенов, уйльта и других народов Охотского побережья и Приамурья свидетельствуют, что антропологические показатели эвенков и эвенов имеют существенные различия, а эвенов и уйльта — большое сходство. В статье доказывается, что в XVII в. основой этноса уйльта были не эвенки, а эвены.

Ключевые слова: этнос, уйльта, эвенки, эвены, культура, байкальский тип, регион, Охотское побережье, Сахалин.

Ethnogenetic problems: an ethnic origin of the Uilta of Sakhalin.

Anatoly F. Startsev, Dr. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The Soviet ethnographic literature states that in the XVII century the ethnic basis of the Uilta of Sakhalin were the Okhotsk Evenks. Studies of the Evenks, Evens, Uilta and other peoples of the Okhotsk coast and the Amur region made by M. Levin indicate that anthropological characteristics of the Evenks and Evens have significant differences, while the Evens and Uilta are very similar. The article proves that in the XVII century the basis of the ethnicity Uilta were not Evenks but Evens.

Key words: ethnicity, the Uilta, the Evenks, the Evens, culture, the Baikal type, region, the Okhotsk coast, Sakhalin.

Проблема этногенеза и этнической истории уйльта, более известных под названием ороки Сахалина, считается в этнографической науке нерешённой. Их происхождение затрагивалось в трудах Г.И. Невельского, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга, Б. Пилсудского, М.Г. Левина, А.В. Смольяк, Ч.М. Таксами, Ю.А. Сема, Т.П. Роон, Л.И. Миссоновой и других исследователей, которые скрупулёзно занимались изучением материальной и духовной культуры народов Нижнего Амура и Сахалина.

В настоящей работе мы не касаемся всей проблемы этногенеза уйльта, а рассмотрим только, кто из дальневосточных этносов являлся их основой в XVII столетии.

На протяжении полутора веков было высказано несколько различных мнений. По одному из утвердившихся, поддержанному многими учёными, считается, что уйльта — это удские или охотские тунгусы, пришедшие в низовья Амура со стороны Станового хребта или из охотско-удского края. В принципе, с точкой зрения, изложенной в трудах Г.И. Невельского, Л.И. Шренка, Л.Я. Штернберга и др., можно согласиться. Однако это утверждение не является конкретным, потому что под общим термином «тунгусы» вплоть до начала 40-х гг. XX столетия одновременно имелись в виду эвенки и эвены, а в ряде случаев и негидальцы. В последующие годы, за редким исключением, без каких-либо доказательств стали подразумеваться только эвенки, что и было зафиксировано в этнографической литературе советского периода.

Утверждение о тесном родстве эвенков и уйльта Сахалина содержится в работах А.В. Смоляк, Л.И. Миссоновой [12, с. 128] и других исследователей. Рассматривая происхождение уйльта, А.В. Смоляк считает (со ссылкой на Г.И. Невельского), что их этнической основой послужили охото-удские эвенки [17, с. 38]. Однако согласиться с этим невозможно, так как Невельский не знал, что в состав тунгусов входило несколько этносов, а этноним «эвенки» появился в научной литературе только в 1931 г. [1, с. 3].

Нельзя принять и другое утверждение А.В. Смоляк, что советские антропологи, проводившие исследования на Охотском побережье, на Амуре и Сахалине, установили, что уйльта по антропологическим признакам стоят гораздо ближе к эвенкам и негидальцам [17, с. 37].

Анализируя работы М.Г. Левина, нетрудно заметить, что он, отмечая антропологические особенности эвенков и ламутов (эвенов), указывает на их *значительные* отличия [6, с. 91; 9, с. 149], а сравнивая тип уйльта с народами Охотского побережья и Амура, приходит к выводу, что байкальский антропологический тип «наиболее выражено представлен у сахалинских ороков... и... негидальцев» [5, с. 66], что «ороки и негидальцы в целом обнаруживают сходство с ламутами...» [8, с. 27—28]. Таким образом, если уйльта по антропологическим показателям гораздо ближе стоят к ламутам, т.е. к эвенкам Охотского побережья, то нет никаких оснований утверждать, что они чуть ли не прямая «родня» охото-удских эвенков, даже если в культуре уйльта и эвенков прослеживаются определённые связи. В этом плане следует согласиться с мнением Т.П. Ронн, что антропологический байкальский тип «является весомым аргументом в пользу этногенетического родства» [15, с. 169], а это как раз характерно для уйльта Сахалина и эвенов Охотского побережья.

Очевидно, несоответствие было замечено ещё Ю.А. Семом, который, выражая своё несогласие с А.В. Смоляк, писал: «...нельзя согласиться... с гипотезой участников Амурской экспедиции 1851—1854 гг., поддержанной А.В. Смоляк, о происхождении ороков от эвенков, переселившихся в XVII в. с Охотского побережья» [16, с. 86].

Полемизируя с А.В. Смоляк, заявляющей о близком родстве уйльта с охото-удскими эвенками, мы полностью солидарны с ней в утверждении, что «первоначальная» родина уйльта находится где-то в районе Охотского побережья.

Наши поиски в опубликованных источниках показали, что территории между бассейнами рек Ульбея и Улья, впадающих в Охотское море, являются местами концентрации тунгусского населения. Именно отсюда наиболее активно осуществлялись миграционные процессы эвенов на Северо-Восток вплоть до Чукотки и на юго-восток вплоть до Аяна, а в ряде случаев и далее на юг вплоть до низовьев Амура.

По мнению Е.А. Крейновича, было две волны тунгусов, вышедших на Охотское побережье в разное время. Колымские тунгусы, или эвены, обосновались на северной части Охотского побережья в процессе завоевательных войн. Сражения велись за обладание богатыми охото-промысловыми ресурсами территорий Армань и Ола, ранее занимаемых коряками. Эвены силой захватили эти земли максимум 500 лет тому назад [4, с. 189—190].

Е.А. Крейнович считает, что эвены, обосновавшиеся на северном побережье Охотского моря в бассейнах рек Армань и Ола, были из наиболее ранних переселенцев. Оказавшись в местах, изобиловавших рыбой, птицей и морскими зверьями, предки арманьских и ольских завоевателей освободились от своих оленей и стали оседлыми [4, с. 193, 197]. Поэтому, когда на Охотское побережье через какое-то длительное время вышла вторая волна эвенов, они встретили здесь жителей, которых называли словом *мыны* (*мэнэ*), что в переводе на русский язык означает ‘оседлые’ или ‘сородичи, но без оленей’, а себя в отличие от них именовали «орочэл», т.е. «оленными» [4, с. 197].

Впоследствии стало известно, что оседлые *мыны* сами себя называли эвенами. Таким образом, в пределах северо-восточной части Охотского побережья обитали кочующие тунгусы, которые чётко разделялись на *орьч* (мн. ч. *Орьчъл* ‘оленные, имеющие оленей’, от слова *орьн* ‘олень’) и *эвэн* (мн. ч. *эвэсъл* ‘местный, здешний’) [14, с. 5—6].

Значительно позже иммиграционных волн эвенов на побережье Охотского моря и в бассейне р. Уды *появилась волна эвенков*, состоящая из разных родов [4, с. 197]. Таким образом, в бассейнах рек Ульи, Урака, Охоты, Кухтуя, Ульбеи и др., примыкающих к Охотскому побережью, в XVII—XVIII вв. обитали эвены Адган, Салган, Эвен, Уягир, Гулюгир, Муеллагир и эвенки Контагир, Лалигир, Маймакан, Ненегир, Хэгинкэгир, Чукчагир и др. [10, с. 53; 1, с. 266, 269—274, 276, 282—284], которые в последующие столетия приняли активное участие в этногенетической истории нанайцев, негидальцев, уйльта, орочей, удэгейцев, ульчей и других народов Нижнего Амура и Сахалина.

В работе Я.И. Линденау отмечается, что пешие тунгусы (эвенки и эвены) жили в стойбищах и управлялись своими князьками. «По их сведениям, до прихода русских эта народность была очень многочисленна, так

что от р. Ульбай до р. Улья не хватало места, чтобы ставить юрты, и многие вынуждены были селиться у других маленьких речек» [10, с. 53]. Из сообщения Нехорошко-Колобова, одного из первопроходцев, известно, что в XVII столетии в бассейне р. Ульи обитали четыре рода тунгусов: бояшэнцы, горбыканы, долганы и килары.

Из всех родовых подразделений охотских тунгусов мы выделяем Бояшинский род, по нашему мнению, сыгравший немаловажную роль в происхождении уйльта Сахалина. Племенная группа бояшинцев состояла из пеших и оленных родов общей численностью 160 чел., 20 из которых были оленными тунгусами [3, с. 530, 546].

Бояшинцы, или Бояшинский род эвенов, обитавший в XVII столетии в верховьях Охоты и в бассейне р. Ульи, получили название по имени своего руководителя Комки Бояшинца, который в 1655 г. возглавил бунт охотских тунгусов против русских казаков. «В том же 1655 г. в ноябре был совершен большой поход против немирных эвенов Бояшинского рода. Он был разгромлен» [2, с. 27], после чего все эвены Охотского побережья стали платить ясак в пользу русского государства. «Во второй половине XVII в., скорее всего после 1678 г., большинство бояшинцев, по мнению В.А. Туголукова, мигрировали на Уду и Тугур, а затем и ещё дальше — на Амгунь и в низовья Амура» [20, с. 42].

Из материалов Л.Я. Штернберга известно, что бояшинцы на Амуре фигурировали под этнонимом *бая* (baja). Они, переселившись в низовья Амура, обосновались в селении Койма на территории ольчей [21, с. 405]. Этот род, как отмечает Г.М. Василевич, «в селе Койме был прежде многочисленным» [1, с. 264].

По мнению А.В. Смоляк, в низовьях Амура в ходе брачных связей бояшинцев с ульчами создаётся ульчский род Баяусал. Некоторые представители этого рода, часто ездившие на Сахалин торговать с гиляками и уйльта, остались там, породнились с уйльта, которые создали новый род Баяуса [17, с. 37].

А.В. Смоляк считает, что сахалинские баяусали имеют эвенкийское происхождение [19, с. 104]. Однако В.А. Туголуков это мнение не разделяет и утверждает, что Бояшинский род на Сахалине относится к эвенам [20, с. 42].

На наш взгляд, формирование рода Баяуса у уйльта происходило несколько иначе, чем предполагает А.В. Смоляк. В низовьях Амура бояшинцы действительно слились с ульчами или «шренковскими» ольчами и назвали свой новый род Баяусал. Но затем, как нам представляется, этот род разделился. Одна часть осталась на Амуре, а другая переселилась на Сахалин, не меняя даже своего родового имени. И тогда-то некоторые представители амурского рода Баяусал, ездившие на Сахалин торговать, встречались со своими сородичами — уйльта — и как ближайшие родственники оставались там на длительное время.

Наше мнение о переселении бояшинцев из ульчского селения Койма на Сахалин подтверждается материалами Л.Я. Штернберга. «Старики

уверяли меня, — писал исследователь, — что в старину [они] держали оленей... и что оленеводство бросили только благодаря неудобству соединения его с рыбной ловлей. Из этой именно деревни во времена давние переселилась часть жителей на Сахалин, и представителей этих переселенцев я встретил в заливе Набиль, в селении... Дата (что значит устье), где они и по сию пору продолжают держать оленей» [21, с. 405].

Судя по всему, представители рода Бая (Баяуса), вначале поселившиеся в селении Дауту (у Штернберга — Дата), расположенном на полуострове Набильского залива, впоследствии разъехались и в 1913 г. обитали в четырёх стойбищах: Дауту, Охудань, Ягодин и Вази. Их численность не превышала 60 чел. Во время рунного хода лососёвых на летнюю рыбалку в Дауту съезжались все жители отмеченных селений [11, с. 53—54].

Бояшинский род охотских тунгусов, под которым В.А. Туголуков подразумевает эвенов Охотского побережья, во второй половине XVII в. находился в тесном взаимодействии с муеллагирями, обитавшими вместе с бояшинцами в районах бассейнов рек Охоты и Ульи [20, с. 45]. С Бояшинского и Муеллагирского родов в 1652—1653 гг. Семён Епишев собрал ясак в размере 65 соболей. Однако в последующие годы по причине распространения оспы и вымирания людей муеллагиря ясак заплатить не смогли. «Долг» возрос до 98 соболей. Из-за неуплаты, чтобы устрашить охотских тунгусов, сборщик ясака Андрей Булыгин приказал повесить аманата Муеллагирского рода Канюга [3, с. 525]. Аналогичным образом русские поступали и с аманатами других эвенских родов. «И за то Макагирского роду аманат повешен, чтобы впредь иным аманатам в государевом ясаке отказывать было неповадно» [2, с. 35].

После 1656 г. эвены Муеллагирского рода среди охотских тунгусов в списках плательщиков ясака не встречаются. Очевидно, вследствие этого инцидента муеллагиря покинули бассейн р. Охоты и переселились на р. Уду, потому что «в начале 1670-х годов муеллагиря числились плательщиками ясака в Майском зимовье, где тогда же платили ясак и тугуродские эвенки, а после основания Удского острога (1681) числились при нём до конца века» [20, с. 46]. В начале XVIII в. одна из групп этого рода оказалась на Сахалине, где и вошла в состав уйльта [1, с. 274] и, по мнению В.А. Туголукова, послужила этнической основой рода Муйгатта, или Муйотта [20, с. 46].

В XVII столетии значительный след в этнической истории народов Нижнего Амура оставили эвены Киларского и Гюлюгирского подразделений, также обитавших по рекам Охоте, Улье, Тауну, Аиму, Мае, Уде и Тугуру. В процессе этнокультурных контактов и брачных связей с народами Нижнего Амура у нанайцев появился род Кили (Киле), у ульчей — род Киллер, а у орочей — Килендига [1, с. 270]. В.А. Туголуков не без оснований считает, что род Килендига, который в настоящее время, став фамилией, пишется как Кялундзига, принадлежал удэгейцам [20, с. 37]. Представители Гюлюгирского рода в 1678 г. вместе с киларами и годниканами, собрав вокруг себя до тысячи оленных и пеших эвенов, осадили Охот-

ский острог [20, с. 43]. После этого большинство гулюгиров мигрировало с Охотского побережья в низовья правого берега Амура. Вполне возможно, что представители именно этого рода во второй половине XIX в. при встрече с соратниками Г.И. Невельского называли себя гулями, которых русские моряки относили к негидальцам [13, с. 147].

Вероятно, не все эвены Охотского побережья первой и второй волны устремились в районы бассейнов рек Армани и Олы. В.А. Туголуков считает, что «часть эвенов-оленеводов во второй половине XVII в. мигрировала на юг, где приняла участие в формировании современных тунгусо-маньчжурских народов Приамурья, Приморья и Сахалина — нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей, удэгейцев и ороков. На это, в частности, указывают сами названия некоторых из перечисленных народов — они образованы от самоназвания *ороу* — восточных эвенов-оленеводов» [20, с. 57].

Известно, что зарождение негидальцев и образование уйльта относится к XVII столетию. Негидальцы при тесных этнических контактах с эвенками и другими этносами ассимилировались и, обособившись в бассейне Амгуни, стали известны под этнонимом «негда» или негидальцы. Предки уйльта, попав в низовья Амура к мангунам, стали известны как орочэлы или ольчи (люди, занимавшиеся оленеводством), с переселением на Сахалин — под экзонимом «*ороки*», а несколько позднее обозначались этнонимом, известным в написании ульта, уйльта, уильта и др. вариантов этого имени.

Факт, что два эвенских рода имеют прямое отношение к этногенезу уйльта, что негидальцы и уйльта в антропологическом плане оказались очень близкими не только между собой, но и с охотскими эвенами [8, с. 27—28; 9, с. 96—97], свидетельствует о том, что эвены явились этнической основой уйльта Сахалина. Если учесть, что появление эвенов на Охотском побережье фиксируется концом XV в., а время переселения уйльта на Сахалин датируется XVII столетием, то можно уверенно сделать вывод, что именно эвены, мигрировавшие вдоль Охотского побережья на юг (на Амгунь и в низовья Амура), на протяжении почти 200 лет путём брачных связей с местным населением закладывали основы будущих негидальцев и уйльта. Однако негидальцев в XVII столетии перекрыла мощная волна удских эвенков, что и отразилось на их дальнейшей культуре и северном диалекте тунгусо-маньчжурского языка. А предки уйльта в процессе этногенетических и этнокультурных контактов с мангунами Амура изменили свой язык, освоили рыболовство и приобщились к духовной культуре, характерной для этносов южной группы тунгусо-маньчжурских языков, и в XVII в. мигрировали на Сахалин подальше от русских и маньчжуров.

Таким образом, в памяти негидальцев и уйльта об их давних предках остались преимущественно антропологические черты байкальского типа, которые прослеживаются не только у эвенов Охотского побережья, но и у их дальних сородичей — эвенков Северного Прибайкалья, а также частично у ульчей, нанайцев, орочей и других народов Нижнего Амура и Приморья.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII—XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
2. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Наука, 1966. 276 с.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55. 623 с.
4. Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. Вып. 20: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1979. Кн. 4.
5. Левин М.Г. Антропологические типы Амура и Охотского побережья // КСИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып. 1.
6. Левин М.Г. Антропологические типы Охотского побережья // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2.
7. Левин М.Г. Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 5.
8. Левин М.Г. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949а. Вып. 5. С. 25—31.
9. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Труды Северо-Восточной экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 36. 360 с.
10. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
11. Меркушев Р.В. Статистическое обследование инородцев Сахалинской области // Сахалин: сб. ст. о прошлом и настоящем. Сахалин, 1913.
12. Миссонова Л.И. Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической культуре Северной Азии: артефакты Сахалина // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (48). 2011.
13. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849—1855. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 424 с.
14. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
15. Роон Т.П. Уйльта Сахалина. Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII — середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
16. Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней). Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965.
17. Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 21.
18. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975.
19. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1975. 232 с.
20. Туголуков В.А. Этногенез и этническая история // История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997.
21. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.